

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.61/.64

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-3-93-101>

Отцовство, материнство и родительство в контексте родительского правоотношения

А.В. Гринева^{1✉}¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: annagrin@rambler.ru

Резюме

Актуальность. В современных условиях развития семейного права особую значимость приобретает исследование правовых категорий отцовства, материнства и родительства. Трансформация семейных отношений, появление новых форм семейного устройства и развитие биомедицинских технологий требуют теоретического переосмысления базовых понятий семейного права. Существующие правовые нормы не всегда успевают адаптироваться к новым реалиям, связанным с применением вспомогательных репродуктивных технологий и с различными моделями родительских правоотношений. Особую актуальность приобретает вопрос разграничения понятий отцовства, материнства и родительства в контексте защиты прав и интересов всех участников семейных отношений.

Целью исследования выступает разграничение понятий отцовства, материнства и родительства как самостоятельных семейно-правовых категорий, определение их специфики и особенностей правового регулирования в контексте родительского правоотношения.

Задачи: выявление сущностных характеристик понятий отцовства и материнства как правовых категорий; определение особенностей правового института родительства; исследование специфики правоотношений при отсутствии кровного родства между ребенком и родителями; разработка критериев разграничения анализируемых правовых категорий.

Методология. Статья выполнена на основе методов анализа, описания, дедукции, обобщения, а также формально-юридического.

Результаты. Доказана необходимость четкого разграничения понятий отцовства, материнства и родительства в семейном праве. Предложены критерии, что позволит совершенствовать правовое регулирование семейных отношений и защиту прав участников родительского правоотношения. Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании семейного законодательства и в правоприменительной практике.

Вывод. В ходе исследования установлено, что отцовство и материнство базируются на кровном родстве, тогда как родительство представляет собой самостоятельный правовой институт, не всегда связанный с биологическим родством. Выявлено, что родительство может существовать при отсутствии кровной связи между ребенком и родителями, что имеет особое правовое значение в семейных отношениях. Определены правовые последствия различных форм родительства, включая случаи суррогатного материнства и усыновления.

Ключевые слова: родительское правоотношение; отцовство; материнство; родительство; интересы ребенка; семейное законодательство.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Гринева А.В. Отцовство, материнство и родительство в контексте родительского правоотношения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2026. Т. 16, № 3. С. 93–101. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-3-93-101>.

Поступила в редакцию 30.04.2026

Принята к публикации 02.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Fatherhood, motherhood and parenthood in the context of parental legal relations

Anna V. Grineva^{1✉}

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: annagrin@rambler.ru

Abstract

Relevance. In the current context of the development of family law, the study of the legal categories of paternity, maternity, and parenthood is particularly important. The transformation of family relations, the emergence of new forms of family arrangements, and the development of biomedical technologies require a theoretical rethinking of the basic concepts of family law. Existing legal norms do not always adapt quickly to new realities associated with the use of assisted reproductive technologies and various models of parental legal relations. The issue of distinguishing between the concepts of paternity, maternity, and parenthood in the context of protecting the rights and interests of all participants in family relations is particularly relevant.

The purpose of the study is to distinguish between the concepts of paternity, maternity, and parenthood as independent family law categories, to determine their specific features, and to identify the specifics of legal regulation in the context of parental legal relations.

Objectives: identification the essential characteristics of the concepts of paternity and maternity as legal categories; determination the characteristics of the legal institution of parenthood; determination the specifics of legal relations in the absence of consanguinity between a child and parents; developing criteria for distinguishing between the legal categories being analyzed.

Methodology. The article is based on analysis, description, deduction, generalization and formal-legal methods.

Results. The need for a clear distinction between the concepts of paternity, maternity, and parenthood in family law is demonstrated. Criteria for distinguishing between these legal categories are proposed, which will improve the legal regulation of family relations and protect the rights of participants in parental legal relationships. The results of the study can be used to improve family law and in law enforcement practice.

Conclusion. The study established that paternity and maternity are based on consanguinity, while parenthood is an independent legal institution, not always associated with biological kinship. It is also revealed that parenthood can exist in the absence of a blood relationship between the child and parents, which has particular legal significance in family relations. The legal consequences of various forms of parenthood, including cases of surrogacy and adoption, are determined.

Keywords: parental legal relationship; paternity; motherhood; parenthood; child's interests; family law.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Grineva A.V. Fatherhood, motherhood and parenthood in the context of parental legal relations. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2026;16(3):93–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-3-93-101>.

Received 30.04.2026

Accepted 02.06.2026

Published 30.06.2026

Введение

Современный социум демонстрирует нам различные модели родительского правоотношения, что, впрочем, не всегда является кардинально новой формой организации семейных отношений. Однако

имеющийся опыт правового регулирования соответствующих отношений и практики рассмотрения судами дел, связанных с установлением или опровержением правовой связи между ребенком и родителями (одним из них), позволяет обозначить ряд вопросов, обладающих тео-

ретической значимостью. Представляется, что актуальная теория родительского правоотношения, формируемая в науке семейного права, нуждается в переосмыслении с точки зрения выявления и обоснования новых признаков содержания отцовства и материнства как семейно-правовых категорий и, что не менее значимо, установления роли соответствующей связи ребенка с мужчиной и женщиной в родительском правоотношении.

Необходимость выработки нового подхода к отцовству, материнству и родительству в контексте родительского правоотношения детерминирована целым рядом объективных факторов, которые связаны не только с консервативностью устоявшихся теорий и концепций применительно к данному виду семейного правоотношения, но и принципиально иными условиями развития и функционирования российского общества, государственной политики в области охраны детства. В частности, на эти обстоятельства указывали Р.Е. Телегин [1], Л.М. Лебедева [2], О.Ю. Ильина [3], В.В. Богдан [4] и др. Ученые наглядно указали на первостепенную важность установления фундаментальных основ родительских правоотношений.

Методология

Методологию исследования составили общенаучные методы. К ним можно отнести методы анализа и синтеза, позволившие сформулировать обоснованные выводы о соотношении интересов родителей и иных лиц, проживающих с ними, в осуществлении родительских прав. Конкретизация поисковых запросов по практике Конституционного и Верховного судов Российской Федерации была произведена с использованием метода дедукции и индукции. Полученный в ходе проведенного исследования эмпирический материал удалось структурировать

благодаря формально-юридическому методу.

Результаты и их обсуждение

Безусловно, традиционно установление отцовства и материнства не вызывает каких-либо вопросов [5, с. 59–60]. Законодатель устанавливает лишь некоторые специальные правила, обусловленные местом и обстоятельствами рождения ребенка (и тогда предъявляются те или иные документы при регистрации рождения ребенка в качестве доказательства факта его рождения конкретной женщиной), наличием брака между родителями ребенка или, наоборот, его отсутствием (и тогда отцовство презюмируется или устанавливается посредством подачи родителями совместного заявления, заявления отца об установлении отцовства). При наличии сомнений, выражаемых как мужчиной, так и женщиной, отцовство может быть установлено в судебном порядке, причем не имеет значения, состоят родители ребенка в браке между собой или нет, и законодатель предусматривает различные варианты разрешения спора: установление отцовства, оспаривание отцовства с предъявлением требования об установлении отцовства другого лица и т. п. В рамках настоящей статьи мы не ставим задачу комментария общеизвестных положений законодательства, позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации и материалов судебной практики, где, справедливости ради отметим, иногда встречаются весьма интересные сюжеты.

Ранее мы уже акцентировали внимание на проблеме отцовства и материнства вне родительства, сформулировав и обосновав наличие таких явлений, как «ложное» отцовство, формальное и фактическое родительство [6, с. 8].

Необходимо отметить безусловный вклад в развитие науки семейного права Е.Г. Комиссаровой, в трудах которой демонстрируются результаты комплексного

теоретико-правового исследования родительства как сферы семейных правоотношений¹. Совершенно справедливым видится утверждение Е.Г. Комиссаровой о том, что «в учебной и научной литературе обычным стало определение, указывающее на происхождение ребенка как на основание для возникновения родительских прав и обязанностей. Другие дефиниции определяют происхождение ребенка через «происхождение его от конкретных отца и матери» или как «юридическую процедуру», сводя его тем самым к публичному порядку государственной регистрации рождения»².

Действительно, отцовство и материнство, «биологическое» и «социальное» родительство – эти и другие понятия, наряду с «потенциальными родителями» (провозглашено на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации), «лицами, замещающими родителей», активно озвучиваются в трудах представителей науки семейного права, что не может не радовать. Ведь развитие науки обеспечивается новыми идеями, новыми аргументами, обоснованным расширением объекта исследования. Кроме того, современная биомедицина развивается настолько стремительно, что семейное и иное отраслевое законодательство объективно не успевают в регулировании отношений, связанных с рождением человека [7, с. 126]. Имеющийся же в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) и Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федера-

ции» инструментарий, следует признать, тоже явно недостаточен для полноценной регламентации применения вспомогательных репродуктивных технологий и других достижений медицины в области воспроизводства населения. Учитывая глобальный характер демографической проблемы в современной России, можно предположить, что законодатель обратит внимание и на необходимость совершенствования механизма регулирования отношений в сфере реализации репродуктивных прав граждан.

Представляется, что при изучении сути отцовства и материнства следует исходить из теории кровного родства, принципы которого были определены еще римлянами и вряд ли современные исследователи могут добавить что-либо новое [8, с. 215].

Отцовство и материнство основаны именно на наличии кровной связи между ребенком и родителями, поскольку ребенок был зачат ими, возможно, что и с использованием вспомогательных репродуктивных технологий.

Таким образом, отцовство и материнство – это связь между ребенком и каждым из его родителей, но при этом совершенно не обязательно, что между указанными лицами существуют отношения родительства. Родители могут фактически отказаться от ребенка до момента государственной регистрации его рождения, например, подкинуть ребенка в медицинскую организацию или же вообще оставить без присмотра в любом месте. Родительское правоотношение при таких обстоятельствах даже не возникнет, но состояние материнства и отцовства в любой момент может быть подтверждено посредством проведения молекулярно-генетической экспертизы.

Родительство же представляет собой такое правовое состояние, когда установлен правовой статус мужчины и женщины как родителей ребенка, подтвержденный записью акта о рождении ребенка с указанием сведений о родителях, но при

¹ См.: Комиссарова Е.Г. Происхождение ребёнка и порядок его установления по нормам семейного права. М.: Статут, 2025. 242 с.; Ее же. Родители и родительство по нормам российского семейного права (теоретико-правовое исследование). М.: Проспект, 2024. 344 с.

² Комиссарова Е.Г. Происхождение ребёнка и порядок его установления по нормам семейного права. С. 84.

этом наличие кровной связи между ребенком и родителями не является основополагающим признаком¹. Родительство зачастую воспринимается как такое правоотношение между ребенком и лицами, записанными в качестве его родителей, в рамках которого существуют права и обязанности, установленные действующим законодательством (и не только семейным) на период несовершеннолетия ребенка, а в случаях и порядке, предусмотренных законом, и впоследствии, например, алиментное обязательство по содержанию совершеннолетнего нетрудоспособного ребенка².

На наш взгляд, родительство следует рассматривать как правовое состояние, основанное на записи мужчины и женщины в качестве родителей ребенка, причем продолжительность существования данного состояния не может быть ограничена, прекратиться оно может лишь при наличии оснований, предусмотренных законом. Следует учитывать также, что родительство совершенно не обязательно должно соотноситься с родительскими правами и обязанностями, возлагаемыми на родителей в соответствии с п. 2 ст. 61 СК РФ.

Родительство как состояние продолжает иметь юридическое значение и после смерти кого-либо из родителей и (или) детей, подтверждением чего, наряду с защитой наследственных прав, может быть упомянута, например, защита чести и достоинства гражданина (ст. 152 ГК РФ)³, охрана имени автора и непри-

косновенности произведения после смерти автора (ст. 1267 ГК РФ).

Традиционные семейные ценности, необходимость обеспечения сохранения которых признана на конституционном уровне, находят свое отражение и в понимании отцовства и материнства. Как верно отмечает С.Ю. Чашкова: «...правила о порядке совершения записи о матери или об отце ребенка в актовой записи о его рождении дифференцированы по причине физиологического различия между мужчиной и женщиной и их участия в процессе деторождения (т. е. по признаку пола). ...Именно мать (родитель женского рода) после рождения ребенка способна кормить его грудью и осуществлять заботу о нем, основанную на инстинкте, именуемом “материнским”. В то время как отец (родитель мужского пола) способен осуществлять уход за ребенком, но с изъятиями, обусловленными физиологическими отличиями между ним и матерью ребенка» [9, с. 19].

На первый взгляд может показаться, что наличие или, наоборот, отсутствие кровной связи между ребенком и его родителями (одним из них) не имеет юридического значения, особенно, если данные обстоятельства публично не афишируются даже при осведомленности об этом самих родителей. Да, конечно, в любых правоотношениях, где отец или мать представляют интересы несовершеннолетних, единственным документом, подтверждающим их статус родителя, является свидетельство о рождении ребенка.

Факт отсутствия кровного родства может быть установлен при решении вопроса о медицинском вмешательстве, допустим, при необходимости переливания крови ребенку.

Может это обстоятельство иметь значение и при необходимости решения

¹ См.: Громоздина М.В. Осуществление родительских прав при раздельном проживании родителей по законодательству Российской Федерации. Новосибирск: Сиб. ун-т потребительской кооперации, 2011. С. 5.

² Тарусина Н.Н. Семейное право: очерки из классики и модерна. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2009. С. 26.

³ Ильина О.Ю. Доброе имя родителей (одного из родителей) как объект правовой охраны и защиты // Применение положений части первой ГК РФ при регулировании се-

мейных отношений: проблема соотношения гражданского и семейного законодательства / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: РГ-Пресс, 2020. С. 164.

вопроса о перспективе заключения брака в связи с предположением отсутствия такого препятствия, как близкое родство (ст. 14 СК РФ). И это далеко не сюжет мелодрамы, вполне реальные истории заключения брака. Заметим, что до удовлетворения судом иска об оспаривании отцовства в отношении одного из лиц, вступающих в брак, он не будет заключен, что очередной раз свидетельствует о юридическом значении факта родства.

Представляется, что наличие кровной связи (а именно это составляет суть понятий «отцовство» и «материнство») совершенно не обязательно присутствует в родительском правоотношении. Таким образом, нельзя допускать абсолютное отождествление отношений отцовства и материнства с родительством, необходимо разграничивать данные понятия как семейно-правовые категории.

Первое, на что считаем необходимым обратить внимание, это всем известная презумпция отцовства, предусмотренная в ст. 48 СК РФ. Эта презумпция действует до того момента, пока отцовство другого мужчины не будет подтверждено в установленном законом порядке [10, с. 59]. Согласимся, этого может и не произойти, в том числе при наличии полной осведомленности матери ребенка и ее супруга о происхождении ребенка от другого мужчины. Ситуация может быть осложнена, в том числе и угрозой шантажа со стороны последнего, поскольку он в любой момент может предъявить иск об оспаривании отцовства и об установлении своего отцовства. Заметим, что в ситуации с мужем не применяется правило, содержащееся в п. 2 ст. 52 СК РФ: «Требование лица, записанного отцом ребенка на основании п. 2 ст. 51 настоящего Кодекса, не может быть удовлетворено, если в момент записи этому лицу было известно, что оно фактически не является отцом ребенка». Супруг, который в момент совершения записи о рождении ребенка знал, что он не является отцом,

может оспорить свое отцовство в общем порядке.

Так или иначе с риском оспаривания отцовства в той или иной степени, но данное родительское правоотношение (только тот вариант, который мы смоделировали) характеризуется отсутствием кровной связи между ребенком и супругом его матери, записанным в качестве отца ребенка.

Не стоит исключать и возможность возникновения правоотношения между ребенком и суррогатной матерью, которая оставила себе ребенка, выношенного по договору о суррогатном материнстве. Вовсе не обязательно наличие спора, хотя такие истории обычно и вызывают общественный резонанс. Например, одна из сестер вынашивала для другой ребенка, но в автокатастрофе родители ребенка-заказчики погибли, вследствие чего тетя ребенка – суррогатная мать оставила его себе и, естественно, вместе с супругом были записаны в качестве родителей ребенка. Правовое состояние родительства возникло, родительские права и обязанности также возникли в полном объеме, но прямое кровное родство между родителями и ребенком отсутствует, хотя кровная связь по линии бокового родства и имеет место.

Заметим, что весьма часто позиция законодателя, согласно которой усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным детям и их потомству приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах к родственникам по происхождению (ст. 137 СК РФ), воспринимается однозначно, вследствие чего проводится полная аналогия между родительским правоотношением, основанным на кровной связи, и правоотношением, возникшем вследствие усыновления ребенка, в частности, на это указывают Е.Г. Комиссарова [11, с. 25], Т.В. Краснова [12, с. 149] и О.И. Сочнева [13, с. 176]. Автор настоя-

щей статьи абсолютно солидарен с учеными, опровергающими такой подход [14, с. 13], заявляя и обосновывая в то же время дополнительные аргументы [15, с. 25].

Отмена усыновления, в отличие от лишения родительских прав, не предполагает восстановления правовой связи между бывшими усыновителем и усыновленным, в связи с чем и отношения квазиродительства прекращаются окончательно.

Весьма интересной в контексте рассуждений об отцовстве / материнстве и родительстве нам видится позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в постановлении № 15-п от 16 июня 2015 г.¹ Хамовническим районным судом города Москвы, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда, было отказано в удовлетворении требования об обязанности Хамовнического отдела ЗАГС Управления ЗАГС города Москвы предоставить доступ к архивным материалам, касающимся факта усыновления и регистрации рождения гражданина Г.И. Грубича – соответственно супруга и отца заявителя, которым после смерти указанного гражданина стало известно, что он был усыновлен в малолетнем возрасте. По мнению заявителей, бессрочный запрет на разглашение тайны усыновления, установленный в ст. 139 СК РФ, нарушает их конституционные права, противоречит, в частности, ст. 29 Конституции РФ, предусматривающей право на свободный поиск и получение информации.

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Грубич: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-п // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2015. № 5.

По мнению Конституционного Суда РФ: «...раскрытие тайны усыновления для потомков усыновленного после его смерти и смерти усыновителей само по себе не влечет изменения объема прав и обязанностей лиц, являющихся биологическими родственниками усыновленного, или объема прав и обязанностей членов семьи усыновленного». Таким образом, суд общей юрисдикции в том или ином конкретном случае может принять решение о возможности предоставления потомкам усыновленного сведений об усыновлении после смерти усыновленного и усыновителей в объеме, необходимом для реализации ими права знать свое происхождение (происхождение своих родителей). Но это никоим образом не повлияет на изменение отношений, возникших в свое время на основании усыновления, информирование потомков о кровно-родственных связях не имеет и не может иметь каких-либо правовых последствий.

В том случае, если тайна усыновления раскрыта по воле усыновителей (возможно, что и изначально соответствующая информация была общеизвестной), информация о биологических родителях может быть известна ребенку. Таким образом, отцовство и материнство (если биологические родители ребенка живы) как физиологическое состояние в такой ситуации будут параллельно существовать с родительством усыновителей.

Выводы

Разнообразие жизненных ситуаций, обрамленных в правовой формат, настолько велико, что не позволяет исчерпывающим образом представить перечень родительских правоотношений, демонстрирующих тандем отцовства и материнства либо отсутствие такового. Формальное признание отцовства и материнства, выраженное в графе «сведения о родителях» в записи о рождении ребенка, означает возникновение родительского правоотношения и, конечно же, в боль-

шинстве случаев, родительства. В то же время для теории родительского правоотношения, как и любой теории, значение имеет «чистота» используемых понятий. В связи с этим полагаем обоснованным утверждать о необходимости различения

соответствующих понятий, определяя отцовство и материнство как отношения, основанные исключительно на кровной связи между ребенком и родителями, в то время как родительство представляет собой социально-правовой институт.

Список литературы

1. Телегин Р.Е. Динамика субъектного состава семейных правоотношений // Закон и власть. 2019. № 3. С. 59-60.
2. Лебедева М.Л. Проблемы института родительских правоотношений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 12 (63), ч. 4. С. 107-112.
3. Ильина О.Ю. О множественности отцов в родительском правоотношении // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 7-17.
4. Богдан В.В. Защита традиционных семейных ценностей в парадигме трансформации семейных отношений: балансируем на грани // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 71-79.
5. Толстова А.Е., Бахтамова Н.Г. Основания и правовые последствия установления отцовства и материнства // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 4 (53). С. 59-64.
6. Гринева А.В. Отцовство и материнство вне родительства: нюансы правового регулирования // Семейное и жилищное право. 2025. № 4. С. 5-8
7. Ксенофонтова Д.С. Семейное право в условиях формирования новой социальной реальности: доктринальные начала правоприменения // Lex Russica. 2021. Т. 74, № 11. С. 124-133.
8. Комиссарова Е.Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 56. С. 208-238.
9. Чашкова С.Ю. Учёт гендерного равенства при регулировании семейных отношений // Семейное и жилищное право. 2025. № 2. С. 18-20.
10. Тарусина Н.Н. Несколько тезисов о «праве родиться» // Lex Russica. 2021. Т. 74, № 5. С. 52-62.
11. Комиссарова Е.Г. Родительство как семейно-правовое явление: теоретический взгляд на действующие нормативные истоки // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 6 (187). С. 19-33.
12. Краснова Т.В. Лишение родительских прав: концептуальные ошибки законодателя и проблемы правоприменительной практики // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 3 (44). С. 143-152.
13. Сочнева О.И. К вопросу о правовой природе и юридическом значении согласия родителей на усыновление ребёнка // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 174-192.
14. Микрюков В.А. О недопустимости аналогии закона в механизме ограничения прав усыновителей // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 11-14.
15. Гринева А.В. К вопросу о тождестве статуса родителей и усыновителей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3. С. 16-29.

Reference

1. Telegin R.E. Dynamics of the subject composition of family legal relations. *Zakon i vlast' = law and power*. 2019;(3):59-60. (In Russ.)
2. Lebedeva M.L. Problems of the institute of parental legal relations. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;(12-4):107-112. (In Russ.)
3. Ilina O.Yo. On the multiplicity of fathers in parental legal relations. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Tver State University. Series: Law*. 2025;(4):7-17. (In Russ.)
4. Bogdan V.V. Protection of traditional family values in the paradigm of transformation of family relations: balancing on the edge. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Tver State University. Series: Law*. 2024;(2):71-79. (In Russ.)
5. Tolstova A.E., Bakhtamova N.G. Grounds and legal consequences of establishing paternity and maternity. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii = Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. 2021;(4):59-64. (In Russ.)
6. Grineva A.V. Paternity and maternity outside parenthood: nuances of legal regulation. *Semeynoye i zhilishchnoye pravo = Family and Housing Law*. 2025;(4):5-8. (In Russ.)
7. Ksenofontova D.S. Family law in the context of the formation of a new social reality: doctrinal principles of law enforcement. *Lex Russica*. 2021;(74):124-133. (In Russ.)
8. Komissarova E.G. The doctrine of direct (factual) parenthood in Russian and foreign family law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki = Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. 2022;(56):208-238. (In Russ.)
9. Chashkova S.Yu. Accounting for gender equality in the regulation of family relations. *Semeynoye i zhilishchnoye pravo = Family and Housing Law*. 2025;(2):18-20. (In Russ.)
10. Tarusina N.N. Several theses on the 'right to be born'. *Lex Russica*. 2021;74(5):52-62. (In Russ.)
11. Komissarova E.G. Parenthood as a family-law phenomenon: a theoretical view on the current normative origins. *Lex Russica*. 2022;75(6):19-33. (In Russ.)
12. Krasnova T.V. Deprivation of parental rights: conceptual errors of the legislator and problems of law enforcement practice. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law*. 2015;(3):143-152. (In Russ.)
13. Sochneva O.I. On the legal nature and legal significance of parental consent for the adoption of a child. *Sotsial'no-yuridicheskaya tetrad' = Socio-Legal Notebook*. 2019;(9):174-192. (In Russ.)
14. Mikryukov V.A. On the inadmissibility of analogy of law in the mechanism of restricting the rights of adoptive parents. *Semeynoye i zhilishchnoye pravo = Family and Housing Law*. 2020;(2):11-14. (In Russ.)
15. Grineva A.V. On the issue of the identity of the status of parents and adoptive parents. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Tver State University. Series: Law*. 2024;(3):16-29. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Гринева Анна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: annagrin@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-8576-3522

Anna V. Grineva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: annagrin@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-8576-3522